

*Памяти моей мамы: самой сердечной,
самой доброй бабушки из всех.*

*А также моему мужу, детям и внукам —
и моей веселой озорной компании друзей,
недавно ставших бабушками.*

*И наконец, мои крепкие объятия Дорис —
нашей горячо любимой бабушке,
которая жила с нами все те годы.
Нам с сестрой приходилось называть
ее по имени, так как она считала,
что обращение «бабушка» ее старит!*

Не стоит спешить.

Но, замешкавшись, я стану движущейся мишенью.

Каждой клеткой тела я боюсь внезапно почувствовать чью-то руку на плече. Рывок за запястье.

Машины проезжают мимо. Слишком близко к обочине и медленно, словно сверяясь с дорожными знаками. Я застываю в ужасе. Вдруг они кого-то ищут?

Иду дальше. Сажусь на мокрый асфальт.

«Пожалуйста, помогите! — молю. — Дайте поесть!»

Возможно, мой живот ненадолго наполнится. Но что дальше?

Вы бросите меня на улице?

*Бен Вествуд,
поэт и автор книги «Стихи беглеца»*

**ДЕЙЛИ ТЕЛЕГРАФ.
РЕБЕНОК ПОГИБ В РЕЗУЛЬТАТЕ
«ТРАГИЧЕСКОГО ПРОИСШЕСТВИЯ»**

Маленький мальчик погиб в «трагическом происшествии», как описывает это полиция.

Никаких подробностей пока не сообщается.

Пролог

ЭЛЛИ

Оксфордшир

Суббота семнадцатого августа две тысячи девятнадцатого года. Дата, которая навсегда высечена у меня на сердце, хотя я и не знаю времени с точностью до минуты. Сейчас это просто знойный летний день, как и предсказали синоптики. У нас с Роджером впереди вся оставшаяся жизнь. Так сказала семейный консультант, когда мы выходили из ее кабинета. Вы согласились позволить себе начать все заново. С чистого листа. Не оглядывайтесь назад.

Я и пытаюсь следовать ее совету, но не могу не обращать внимания на невидимый шрам, который всегда со мной. Постоянная ноющая боль внутри.

«Занять себя чем-то» помогает. Вот почему я шагаю в город в новых бирюзовых босоножках с золотистой отделкой — они мне нравятся, — чтобы купить любимый «волшебный» увлажняющий крем. Я не пытаюсь состязаться с сетевым сообществом «Гламурные бабушки», но получаю настоящее удовольствие, когда люди удивляются: «Что? У вас четырехлетний внук? Вы выглядите слишком молодо для этого». В свои сорок девять я наконец-то чувствую себя комфортно по сравнению с тем временем, когда была неуклюжим подрост-

ком. Теперь у меня есть семья и собственные интересы, а также волонтерская работа при тюрьме. Это не дает бездельничать. Помогает отвлечься от прошлого.

— «Большая проблема», свежий номер! — зазывает покупателей женщина, сидящая на тротуаре у магазина «Бутс»*. Голосом, исполненным надежды, но без просящей интонации, свойственной прочим бездомным, встречающимся в округе. Я регулярно покупаю у нее журналы, несмотря на то что она иногда кажется грубоватой, хотя на самом деле довольно мила.

Она появилась на нашей главной улице года полтора назад в своих фиолетовых «хипстерских» штанах (того фасона, что пузурятся по бокам и сужаются к лодыжкам), с вытатуированными на шее серебряными и золотыми звездами, в мешковатой темно-синей ветровке, с серьгами-затычками, бритой головой и обветренным лицом, на котором читалось от сорока и больше лет. Увидев ее несколько раз, я стала оставлять ей на еду немного лишних денег, которые она быстро прятала в один из объемистых карманов. «Пасиб», — всегда коротко благодарила женщина. Потом потирала ладони одна о другую, словно счищала с них невидимую грязь, оставшуюся после денег. Еще у нее была привычка тихонько напевать, хотя разобрать мелодию удавалось с трудом.

Однажды я спросила, давно ли она бездомная. «Время от времени», — ответила она неопределенно. Это положило начало коротким беседам, кото-

* «Б у т с» — ведущая британская сеть магазинов фармацевтики, а также товаров для здоровья и красоты. (Здесь и далее прим. перев.)

рые мы вели всякий раз, когда я покупала журнал. Однажды она даже рассказала, что ее зовут Джо (хотя произнесла она это, заставив меня заподозрить, что при рождении ей дали другое имя) и что она «не заморачивалась учебой» в детстве. («Но имейте в виду, я очень много читала в тюрьме», — добавила она.) Я задумалась: интересно, за что она сидела, но не стала спрашивать. В другой раз мы с увлечением поспорили, способны ли новые правительственные инициативы по борьбе с бродяжничеством действительно помочь людям на улицах.

Когда погода портилась, я беспокоилась о ней и даже пыталась подыскать место для ночлега — хотя из этого ничего не вышло. Возможно, я приняла ее чересчур близко к сердцу, но такова уж моя натура — помогать. Плохо, что в наши дни все еще существуют люди без еды и крыши над головой. Но несколько месяцев назад, когда старые подозрения насчет Роджера вновь обрели почву, я увидела, как вдрызг пьяная Джо шатаясь выходит из паба. Меня не расстроила пустая трата моих денег, скорее обидела мысль, что меня водят за нос. И конечно, я не одобряю алкоголь. Не с моим прошлым.

С тех пор, признаться, я стараюсь ее избегать — иногда перехожу на другую сторону улицы и притворяюсь, что не замечаю Джо. Но именно сегодняшним знойным августовским утром я почему-то чувствую, что надо остановиться.

— Спасибо, — говорит она, глядя в свою грязную ладонь. Это точная сумма за журнал. От ее разочарования мне становится неловко. Есть в этой тощей бритоголовой женщине с квадратной челюстью что-то придающее ей одновременно и уязвимый, и суровый вид. Я ловлю себя

на том, что лезу в сумку за дополнительными деньгами.

А потом я вижу ее. Кэрол.

Какое-то мгновение стою, замерев на месте и вглядываясь в женщину, чуть не разрушившую мою семью. Я не из тех, кто много ругается, но с удовольствием прокляла бы эти стройные загорелые ноги в тонких колготках и кремовых туфлях на шпильках, бесстыже выставленные напоказ. Короткое платье с пояском (гораздо более стильное, чем мои летние джинсы) подчеркивает тонкую талию так, что я удивляюсь: ест ли эта женщина вообще. Сама я могу набрать четыре фунта, просто посмотрев на шоколадный батончик.

Я отмечаю, что руки Кэрол обнажены — она моложе меня и ей нет необходимости прикрывать некоторую дряблость, подкравшуюся ко мне несколько лет назад, ближе к сорока пяти. У моей соперницы длинные темные волосы (вьющиеся, а не безжизненно-прямые и мышинового цвета, как мои), которые якобы естественным образом струятся ниже плеч, но я точно знаю, что каждую среду она делает горячую укладку. Одна моя подруга ходит в ту же парикмахерскую. Наш средних размеров дремотный оксфордширский городок — всего двадцать минут неспешной ходьбы до центра — того сорта, где все всё обо всех знают. Господи, вот бы никогда не видеть этого места. Или эту женщину.

Кэрол идет вдоль главной улицы прямо ко мне, уверенным шагом, темно-синяя сумочка болтается на плече. Темные солнцезащитные очки вздернуты на макушку, скорее с целью продемонстрировать дизайнерский бренд, нежели с какой-либо практической. На губах яркая коралло-

во-оранжевая помада. Того же оттенка, что я нашла на рубашке Роджера сразу после Рождества. «Он мой!» — словно прокричало мне это пятно.

Сама я предпочитаю безопасные спокойные оттенки. Либо полупрозрачный блеск для губ, либо — в особых случаях — бледно-персиковый. Только вот что толку с этой «безопасности»?

От одного вида этой женщины у меня подкашиваются колени. Я взмахиваю руками, чтобы удержаться на ногах, и роняю сумку. Монеты звенят по тротуару. Что она здесь делает? В последний раз, когда я проходила мимо симпатичного кирпично-каменного коттеджа с жимолостью вокруг двери, там висела табличка «Продано». Роджер поклялся, что Кэрол вернулась в Лондон. Однако вот она — идет прямо на меня.

«Это помада Кэрол, — признался муж, когда я приперла его к стенке, размахивая рубашкой. — Прости, Элли. У нас с ней всё по-настоящему. Мы уже внесли депозит за совместное жилье в Клэпхем. — Он застонал, будто от боли. — Дело в том, что я люблю ее».

Нет! Он не может так поступить! Я не допущу этого! Конечно, у Роджера и раньше случались интрижки, но он никогда не употреблял в связи с ними слово «любовь». Оно принадлежит только нам! Нашей семье.

Я схватила его за лацканы, притягивая к себе. Муж по-прежнему носил коричневые твидовые пиджаки даже дома, как во времена, когда читал лекции.

«Как ты можешь пускать псу под хвост двадцать восемь лет брака? — рыдала я. — Я думала, что мы состаримся вместе! А как же дети?»

«Ради всего святого, не надо, Элли, — ответил он, отстраняя меня, словно не мог вынести моего прикосновения. — Дети уже взрослые».

Но детям в любом возрасте нужны оба родителя. Кому, как не мне, это знать?

Страх сменился гневом. «А как же тогда Джош? — выпалила я. — Ты что, действительно хочешь, чтобы мы сказали ему, что дедушка бросил нас ради другой женщины? Что он подумает о тебе, когда вырастет?»

Роджер пожал плечами. «Для него я никуда не денусь. Кэрол любит детей. Всегда их хотела. Она не станет возражать, если он будет приезжать на выходные».

«Ты не можешь так поступать! Я не позволю!»

Он отступил еще на шаг, глядя на меня как на чужую. «Давай посмотрим правде в глаза, Элли. С тех пор как я узнал, что ты сделала, просто не могу смотреть на тебя как раньше. И мы не настолько старые, чтобы не начать все заново. В общем... — казалось, он колеблется, — я хочу развестись».

Оставалось только одно. Много лет назад я пообещала, что больше так не буду. Но старые привычки неискоренимы. На удачу, кухонные ножницы оказались под рукой.

«Господи, Элли! — закричал он, хватая кухонное полотенце, чтобы зажать кровоточащую рану на моем запястье. — Что ты творишь?»

Мне внезапно почудился голос мачехи.

«Да что с тобой не так, Элли?»

Я не могу вспоминать об этом без содрогания.

После того как меня зашили в Рэдклиффе, Роджер сказал (с тоскливым выражением на

12 лице), что он поразмыслил и, возможно, я

права. Он не может рушить нашу семью. Он останется. Будет ходить в семейную консультацию, если я твердо пообещаю никогда больше не причинять себе вреда. Он уже поговорил с Кэрол, и она «приняла это».

— Ага, вот вы куда закатились! — Голос продавщицы газет ворвался в воспоминания, возвращая меня в настоящее. Она сидит на корточках возле моих ног, собирая раскатившиеся по тротуару монеты. — Вот, все здесь! Не сомневайтесь!

Смутившись, я наклоняюсь и протягиваю руку, чтобы принять от нее горсть мелочи. Потом замечаю краем глаза кремовые тувельки. Ощущаю навязчивый тошнотворный аромат духов. Над ухом раздается голос Кэрол. Достаточно тихий, чтобы только я могла его слышать. У нее тоненький тембр маленькой девочки — из тех, что так раздражают взрослых женщин и на которые, однако, постоянно западают некоторые мужчины.

— Я думаю, вы должны знать, что мы все равно встречаемся, — шипит она.

Сердце колотится, когда я поднимаю на нее взгляд.

— Роджер хочет, чтобы его семьей была я! Кстати, вашему внуку понравился новый домик для игр?

Откуда она об этом узнала? Роджер купил его в подарок Джошу и установил в нашем саду. Должно быть, муж виделся с Кэрол, не сказав об этом мне, и упомянул домик в разговоре. У меня пересыхает во рту. А может, она стояла рядом, когда муж его выбирал?

Меня тошнит от этой мысли. Вдруг персонал магазина подумал, что это она настоящая бабушка моего внука.

— Оставьте меня в покое! Вы лжете! — говорю я дрогнувшим голосом.

Она склоняет голову набок, словно изучает меня.

— Да неужели? А я слышала, что именно вы занимаетесь этим всю жизнь. Кое-кто считает, что вам нельзя доверять детей...

Неужели Роджер предал меня? Или она узнала от кого-то другого? Возможно, видела где-то мое имя. Сохранились записи. Что делать, если все откроется?

— Как вы смеете... — пытаюсь я сказать, но слова застревают в горле. Прежде чем мне удастся их выдать, Кэрол исчезает на главной улице, растворившись в толпе покупателей с шикарными сумками.

— Я вернулась! — кричу я. Все еще дрожащими руками запираю за собой дверь и аккуратно кладу ключи в синю-белую чашу веджвудского фарфора на столике в прихожей, рядом со связкой Роджера, к которой прицеплен брелок «Дедушка» — подарок от дочери на прошлое Рождество. Мы стали чрезвычайно щепетильны в вопросах безопасности, когда в прошлом году по нашему району прокатилась волна грабежей со взломом, а на соседа даже напали. Однако сейчас меня больше тревожит встреча с Кэрол.

Кое-как мне удастся заставить голос звучать нормально. Но во рту все пересохло от страха. Я иду к холодильнику, чтобы налить стакан «бузины сердечной» — травяного чая, который делаю сама каждое лето из растений в нашем саду. Богатые тра-

вами клумбы и обширные лужайки — одна
14 из причин, по которой мы купили этот дом

на окраине, прекрасный особняк времен королевы Анны, с бледно-лимонными наружными стенами, скользящими рамами и изящными дымоходами. Здесь есть и несколько деревьев, под которыми я посадила маки и незабудки в память о маме.

Вы никогда не повзрослеете достаточно, чтобы перестать нуждаться в матери. Даже спустя столько лет я по-прежнему вижу мысленным взором ее милое, заботливое, доброе лицо и ощущаю аромат роз от нежной кожи. До сих пор чувствую прикосновение ее щеки к своей. В ранних воспоминаниях я сижу рядом с ней на корточках в ее любимом саду, а она пропалывает клумбы, пока не устанет и не присядет рядом отдохнуть. Я гуляю с ней по проселочным дорогам. Это она научила меня названиям всех полевых цветов и кустарников. Мы собирали их и сушили между страниц детской энциклопедии «Британника», а потом доставали и делали гербарий, подписывали каждую страницу, сверяясь с моей изрядно потрепанной книгой о дикорастущих растениях.

Больше всего мама любила незабудки. Моим же фаворитом была коровья петрушка, также известная как «кружево королевы Анны». Однажды я тронула пальцами нежный белый цветок и расплакалась, когда он распался в моих руках на лепестки. «Все в порядке, — сказала мама. — Здесь полно других, которые можно собрать». Это одно из немногих сохранившихся у меня воспоминаний о детстве, так что я цепко держусь за него и боюсь потерять. Как бы она любила своих внуков! Наверняка обожала бы Джоша...

— Я выйду через несколько минут! — отзывается Роджер из кабинета.